

·thebigbook·

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Р 89

Оформление Вадима Пожидаева

- © В. Аксёнов, М. Бакулин, Белобров-Попов, В. Богомяков, И. Бояшов, Е. Водолазкин, М. Галина, М. Гиглашвили, О. Дунаевская, А. Евдокимов, М. Елизаров, А. Етоев, Ш. Идиатуллин, М. Кантор, Н. Ключарёва, С. Коровин, П. Крусанов, В. Курицын, Н. Курчатова, М. Кучерская, В. Левенталь, А. Матвеева, Т. Москвина, С. Носов, П. Пепперштейн, Л. Петрушевская, Е. Попов, О. Постнов, А. Рубанов, Г. Садулаев, С. Самсонов, М. Семёнова, Р. Сенчин, В. Сероклинов, А. Слаповский, А. Снегирёв, В. Сорокин, А. Старобинец, В. Стасевич, М. Степнова, В. Тучков, М. Фрай, С. Шаргунов, Л. Юзефович, 2013
- © А. Етоев, П. Крусанов, состав, 2013
- © ООО «Издательская Группа „Азбука-Агтикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-05721-0

От составителей

Знаете, как опытным путём убедиться, что Земля вертится?

Летом, когда трава на лугу скошена и уже подсохла, но, ещё не собранная, лежит на земле, раскрутить себя сильно-сильно по часовой стрелке или против, неважно, и так кружиться, кружиться, пока не упадёшь в сено и, вдыхая его пряные запахи, не увидишь, что ты лежишь, а земное пространство вокруг тебя продолжает своё вращение. Так делает герой одного из рассказов этой книги.

А то, что ангелы бывают нянями, об этом вы знаете? И что девочки превращаются в драконов, пираты не терпят слов с буквой «о», серые камни на самом деле серебряные и Майкл Джексон будет отмщён? И мир наш был перевернут когда-то, давно, ещё во времена шерстистых носорогов и саблезубых тигров, поставлен с ног на голову и так стоит на голове до сих пор?

Не знаете — вернее, знали, но, повзрослев, забыли. Потому что такие знания даются исключительно детям, как прозрение, происходящее помимо опыта, ну, иногда взрослым, упорно цепляющимся за детство, как за борт подводного корабля, совершающего срочное погружение. И эти чудесные дары вручаются по справедливости, потому что детство — волшебная пора, усыпанная пылью рая, и дети непременно должны быть счастливы, пусть сами они далеко не всегда осведомлены о своём счастье. Ведь вся остальная жизнь — лишь расплата за это недолгое блаженство.

Ну и поскольку мир, как уже сказано, стоит на голове (а в таком деле, как стояние на голове, дети, поверьте, знают толк), мы, составители этой книги, тоже вывернули алфавит, точно чулок, наизнанку и выстроили авторов в обратном порядке, затылок в затылок, чтобы последние стали первыми, но не во имя предписанного грядущего преображения в небесном луна-парке, а просто забавы ради.

Перед вами не детская книга. Перед вами книга о детях. Просим учесть это обстоятельство.

К сожалению, несколько достойных авторов, стреноженные своими издателями, не смогли принять участие в сборнике, о чём мы сожалеем вместе с ними.

И ещё: опубликованные здесь рассказы авторы написали специально для этой книги. За редкими исключениями. Очень редкими.

Итак, 44 автора. Надеемся, у книги будет бодрый путь. Ведь, если приглядеться к цифрам, это — полный привод.

Леонид Юздарович
Сергей Марцинов
Макс Юрай
Владимир Плуцков
Марина Степнова
Виктор Ч. Стасевич
Анна Старобинец
Владимир Сорокин
Александр Снегирёв
Алексей Славовский
Виталий Сероклинов
Роман Сенчин
Василий Семёнов, Мария Семёнова
Сергей Самсонов
Герман Садулаев
Андрей Рубанов
Олег Постнов
Евгений Попов
Людмила Петрушевская
Павел Пеперштейн
Сергей Носов
Татьяна Москвина

Анна Матвеева
Вадим Левенталь
Майя Курьерская
Наталия Курганова
Вячеслав Курицын
Табела Крусанов
Сергей Коровин
Наталия Ключарёва
Максим Кантор
Шамиль Иднатуллин
Александр Етоев
Михаил Емзаров
Алексей Евдокимов
Ольга Дунаевская
Михаил Гиголашвили
Мария Тамма
Евгений Водолазкин
Илья Бояшов
Владимир Богомяков
Белобров - Попов
Мирослав Бакунин
Василий Аксёнов

Леонид Юзефович

ГРОЗА. 1987 г.

I

По классу они не бегали, не кричали, не дрались. До этого, слава богу, не доходило. Они всего лишь разговаривали, ёрзали на стульях, что-то роняли, чем-то перебрасывались, рвали какие-то бумажки, катали по столам ручки и карандаши. Шум, который производили эти сорок пятиклассников, невозможно было разять на составные части, этот слитный гул поражал ухо сочетанием дикой гармонии, свойственной гулу дождя или водопада, с раздражающе назойливым, почти механическим тембром звука.

— Тише, ребята! — надрывалась Надежда Степановна. — Сегодня у нас в гостях Дмитрий Петрович Родыгин, он проведёт беседу о правилах безопасности на улицах и дорогах.

Она постучала карандашом по столу, но не перед собой, а перед Родыгиным, чтобы таким образом привлечь внимание к нему.

— Тише! Мне стыдно за вас!

Родыгин подумал, что ей должно быть стыдно за себя. Не такая уж молоденькая, пора бы научиться владеть дисциплиной.

— Вы идите. Я сам, — сказал он ей по возможности мягко.

Надежда Степановна нерешительно двинулась к дверям. Шум не стихал.

— Неужели вам не хочется узнать что-то новое для себя? — заговорила она тем голосом, который сама в себе ненавидела. — Я в это не верю. Вот Векшиной, например, хочется, я точно знаю.

Отличница Векшина, стриженная носатая девочка за первым столом, испуганно втянула голову в плечи. С некоторой натяжкой это можно было истолковать в том смысле, что она кивнула в знак согласия.

— Тогда почему ты молчишь? Нужно иметь смелость отстаивать свои убеждения, даже если большинство их не разделяет. Поднимись и скажи: мне интересно, не мешайте мне слушать.

Векшина встала, судорожно тиская ключ от квартиры, висевший у неё на шее, на шнурке, как нательный крестик, и молча отвернулась к окну. Родыгин невольно посмотрел в ту же сторону. За окном был сентябрь, сырой и тёплый, зелёные листья шелестели по стеклу. Чтобы лист желтел и падал, как положено на Урале в конце сентября, требуется погода сухая, ядрёная, с утренним ледком на лужах и звоном под ногами. В последнее время в природе тоже что-то разладилось, как и на производстве.

Когда Надежда Степановна ушла, он ещё с полминуты улыбался, усыпляя бдительность, потом вдруг рявкнул:

— А ну, встать!

Удивились, но встали.

— Плохо встаёте, недружно. Садитесь.

Сели, гремя стульями и пихаясь.

— Плохо садитесь. Встать!

На этот раз встали получше, но сзади кто-то захихикал, а откуда-то сбоку с характерным преступным звуком вылетел и ткнулся в доску комок жёваной бумаги.

Искать виноватых Родыгин не стал.

— На месте, — скомандовал он, — шагом... марш!

Передние вяло затоптались в проходах между рядами. Они давились от сдерживаемого смеха, надували щёки, вы-

пучивали глаза, но всё-таки маршировали. Задние, пользуясь выгодами своего положения, едва переминались с ноги на ногу. Некоторое время так и продолжалось, но Родыгин неумолимо, как метроном, отбивал такт, постукивая указательным пальцем по ребру столешницы. В конце концов дело пошло.

— Молодцы! — похвалил он. — Можете сесть.

Сели тихо, как эльфы, чтобы снова не пришлось вставать. Он похвалил ещё раз:

— Молодцы. Хорошо садитесь.

Все беседы Родыгин начинал с тихой лирической ноты, призванной создать атмосферу взаимного доверия, после переходил к деловой части, а в заключение пересказывал несколько занимательных, но тематически выдержанных историй с последних страниц журнала «За рулём». Для начала он рассказал, как в детстве вместе с другими ребятами целых три километра бежал за первым автомобилем, проехавшим через их село. Автомобили тогда были в диковинку, встречались редко, как сейчас лошади. На машине теперь все катались, а многие ли ездили на лошади? Пусть поднимут руки.

Подняли все, кроме Векшиной. Одни ездили на ипподроме, другие в деревне у бабушки или на празднике Русской зимы, как называлась недавно реабилитированная Масленица. Векшина сказала, что каталась в зоопарке на пони, но это, наверное, не считается.

— Считается, — квалифицировал её случай Родыгин и перешёл к деловой части.

Он достал блокнот, надел очки и начал зачитывать цифры детского дорожного травматизма. По стране в целом это были закрытые цифры, а по району, городу и даже всей области — открытые. Взрослых они впечатляли сами по себе, но наглядно-образное мышление пятиклассников требовало конкретики, поэтому Родыгин рассказал о происшествии, свидетелем которого был якобы лично. Такой милый кудря-

вый мальчик перебежал улицу в неполюженном месте, попал под грузовик, и ему пришлось отрезать ногу.

— До какого места? — деловито спросили у дальнего окна.

Родыгин чиркнул себя карандашом по бедру, показывая, что нога как таковая просто перестала существовать.

— Не показывайте на себе, — предостерегла его Векшина.

— Это огромная трагедия для родителей потерпевшего и для него самого, — подытожил он. — Одиннадцатилетний калека, ваш ровесник. А почему так случилось?

— Сам виноват, — ответил от того же окна тот же бес-трепетный голос.

— Так случилось потому, — поморщившись, сказал Родыгин, — что этот мальчик ничего не знал о тормозном пути.

Он подробно объяснил, что такое тормозной путь, каким он бывает при допустимой скорости шестьдесят километров в час у различных транспортных средств и в зависимости от погоды — на сухом асфальте, на мокром, в гололёд. Рекомендовал записать эти данные и, прохаживаясь между рядами, начал медленно диктовать.

Некоторые старательно записывали, в том числе Векшина, другие шевелили губами, пытаясь запомнить, а большинство делало вид, будто записывают или запоминают. Двое смельчаков на последней парте не делали и вида.

Закончив диктовку, Родыгин рассказал про глазомер. При хорошем глазомере под колёса не попадёшь, потому что легко можно определить расстояние до приближающейся машины, соотнести его с длиной её тормозного пути и принять верное решение — идти или подождать. Всё это делается автоматически, для чего нужно постоянно тренировать свой глазомер.

— Скажите-ка мне, — предложил Родыгин, — сколько метров от доски до противоположной стены. Только быстро.

Ответы расположились в широком диапазоне. Он выслушал всех и без особой надежды спросил:

— А в вашем классе есть кто-нибудь, кто попадал под машину?

Оказалось, что есть. Филимонова весной сбило мотоциклом, неделю в школу не ходил.

— Встань, Филимонов! — зашипели девочки. — Вставай, вставай, про тебя говорят!

Филимонов встал.

Маленький ушастый мальчик в школьной форме, ему показалось, что привычный мир остался далеко внизу, а сам он, как выдернутая из воды рыбина, прорезал головой спасительную плёнку и теперь хватал ртом воздух, задыхаясь от ужаса и одиночества. Он не записал и не запомнил тормозной путь мотоцикла «ИЖ-Планета», который сбил его около магазина «Дары природы». Филимонов пил там томатный сок, чудесный дар природы по десять копеек стакан, а соль бесплатно. Когда он отлетел к газону и увидел кровь у себя на рубашке, первая мысль была, что это из него выливается томатный сок.

— Вот мы и спросим у Филимонова, сколько здесь метров.

— Где? — спросил весёлый мальчик, до этого сидевший под столом.

Тот же вопрос читался в глазах у многих, включая тех, кто на него уже ответил. За истекшие две минуты условие задачи успело выветриться у них из памяти.

— От этой стены, где доска, и до той, — терпеливо показал Родыгин и опять перевёл взгляд на Филимонова. — Ну, сколько здесь метров?

— Двенадцать, — глубоко вздохнув, прошептал Филимонов.

— Громче. Чтобы все слышали.

— Двенадцать метров.

— Что ж, проверим. У меня шаги ровно по восемьдесят сантиметров. Значит, сколько здесь должно быть моих шагов?

Воцарилось гробовое молчание. Наконец одна девочка, посчитав на бумажке, подняла руку, встала и ответила полным ответом:

— Ваших шагов должно быть пятнадцать.

— Умница, — поощрил её Родыгин. — А теперь считайте.

Он занял исходную позицию, плотно прижав к плитке задники ботинок, и с левой ноги, печатая шаг, двинулся по проходу.

— Раз, — грянул нестройный хор, с каждым шагом набирая силу. — Два. Три...

На четвёртом шаге Родыгин отчётливо осознал, что шагов будет именно пятнадцать, не больше и не меньше. Тогда он крепко удлинил пятый шаг, ещё сильнее — шестой, а седьмой и восьмой махнул метра по полтора. Рост позволял сделать это незаметно, кроме того, сыграла свою роль отвлекающая жестикуляция.

— Десять, — прогремел хор.

— С половиной, — великодушно добавил Родыгин.

Наступила тишина, Филимонов остекленевшими глазами смотрел в простенок. Он был пропащий человек. У него оказался плохой глазомер, поэтому он и попал под мотоцикл. И ещё попадёт.

— Вот видишь? — с ласковым укором сказал ему Родыгин. — Садись.

Филимонов сел. Девочки поглядывали на него с жалостливым любопытством, как на кандидата в покойники.

Чувствуя лёгкие уколы совести, Родыгин неторопливо двинулся в обратную сторону.

— Пройдут годы, — говорил он на ходу, — вы все вырастаете, будете честно трудиться в народном хозяйстве и са-

ми сможете приобрести автомобиль в личное пользование. Кто хочет иметь личный автомобиль? Поднимите руки.

Подняли все, кроме самого маленького и хуже других одетого мальчика, сказавшего, что у него уже есть, и Векшиной, которая ничего не сказала.

Не добившись от неё объяснений, Родыгин продолжил:

— Одно твёрдо запомните со школьной скамьи: никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя садиться за руль в нетрезвом виде.

Для наглядности он крупными мазками набросал картину, чьи герои были выхвачены прямо из жизни. Вот Векшина, сама уже мама, катит по тротуару детскую коляску... Родыгин сделал паузу, потому что, как и следовало ожидать, по классу порхнули смешки. В основном невинные, но две три девочки стыдливо фыркнули, опуская глаза, а откуда-то слева донеслось осторожное мужское гоготанье. «Уже знают», — с грустью подумал Родыгин. Сам он узнал об этом гораздо раньше, но для городских детей, не имеющих дела с домашней скотиной, знание было довольно ранним и, уж конечно, не из чистых уст.

Интригующим тоном, чтобы переключить внимание, Родыгин поспешил сообщить, что Векшина была на молочной кухне. Она спокойно катит коляску с младенцем, а за пару кварталов от неё, ещё неразличимый в потоке других машин, мчится автомобиль, за рулём которого сидит Филимонов. Он возвращается с дня рождения, где пил не только томатный сок.

Филимонов польщённо заулыбался.

Теперь уже никаких уколов совести не чувствуя, Родыгин напомнил, что глазомер у него и так-то плохой, а после дня рождения вовсе никуда не годится. Вдобавок только что отшумела гроза, асфальт мокрый, тормозной путь увеличивается. Филимонов давит на педаль. Поздно! В глаза ему

бьёт красный свет, цвет крови, машину неудержимо несёт на линию перехода, по которой счастливая мать катит свою коляску.

За окном взвизгнули тормоза, Векшина зажмурилась. Её дочку звали Агнией, она была толстенькая, смугленькая, в атласно-розовом конверте с кружевами. Ни в коем случае не в синем, синие для мальчиков.

В последний момент Родыгин заставил Филимонова столкнуться с хлебным фургоном, обошлось без человеческих жертв, но жители целого микрорайона остались без хлеба. А ведь утром им идти на работу. С чем они будут пить чай?

Эта проблема взволновала всех. Был высказан ряд предположений, с чем именно. В перечне фигурировали сырники со сметаной, оладьи простые и картофельные, пресные лепёшки, вафли, печенье и даже плоды хлебного дерева. Его, как с еврейским апломбом сказал рыхлый мальчик с оттопыренными ушами, вполне возможно вырастить в квартирных условиях специально для таких случаев.

Векшина в дискуссии не участвовала, ей было всё равно. Она думала о том, почему Надежда Степановна решила, что эта лекция ей, Векшиной, будет интереснее, чем другим ребятам. Подозрения были и раньше, но когда Родыгин стал объяснять, какие меры наказания применяют к пьяным водителям, отпали все сомнения.

Отец Векшиной работал в автотранспортном предприятии шофёром-экспедитором на дальних перевозках. Три месяца назад на загородной шашашке ему поднесли деревенской браги с водкой, по пути домой он своротил своим ЗИЛом сарай с инструментами дорожной бригады и подрался с милиционером. Отца посадили на пятнадцать суток, отобрали права и перевели из водителей в автослесари. Полсотни рублей разницы в зарплате пережить можно, жили и хуже, говорила мать, но в слесарях отец начал пить.

Спяну он бежал в гараж, норовил вывести из бокса свой ЗИЛ и проехать на нём по «восьмерке» между разложенными на земле спичечными коробками. Охрана ловила его уже дважды, на третий раз грозились завести дело в милиции. Мать об этом постоянно всем рассказывала, потому что надо же ей хоть кому-то рассказать о своём горе. Векшина умоляла не говорить Надежде Степановне, но, значит, рассказано было и ей. Захотелось сорвать с шеи ключ, выбросить в окно и никогда не возвращаться домой.

За окном плавно опускался на газон почти совсем зелёный лист американского клёна. Непонятно было, зачем он, такой зелёный, сорвался с ветки. На его месте Векшина бы ещё повисела. Она вспомнила, что скоро листья пожелтеют, начнут падать один за другим, пружинить под ногами. Можно будет прыгнуть на них с третьего этажа и не разбиться.

— Три года... Пять лет, — парил над ней пророческий голос Родыгина. — Повлекшее тяжкие последствия... Десять лет...

Неслышно ступая по опавшим листьям, папа шёл навстречу от тюремной ограды. Вот он заметил коляску, спрашивает: «Мальчик или девочка?» — «Агния, внучка», — отвечает Векшина, и они, обнявшись, тихо плачут от счастья.

2

В учительской готовилось чаепитие, Надежду Степановну отправили в соседний гастроном за тортом. Денежной кассой заведовал физик Владимир Львович, с которым у неё намечался лёгкий служебный роман, и она с удовольствием отправилась к нему за деньгами.

На столе у него в лаборантской сверкала батарея поллитровых банок с купами ядовито-синих кристаллов. Девятиклассники выращивали их на каникулах из раствора медного купороса. Эти кристаллы всегда появлялись тут

в сентябре как последний привет уходящего лета. Своим феерическим видом они примиряли Надежду Степановну с мыслью о том, что рубин в её серебряном колечке не вырублен из горных жил, а тоже рождён в какой-то стеклянной ёмкости.

Была надежда, что Владимир Львович захочет вместе с ней пойти за тортом, но он не захотел. Взяв деньги, она снова вышла в коридор. Шёл шестой урок, всюду царил вольный дух междусменки. Дети сидели на подоконниках, хотя это было строжайше запрещено вывешенными на всех этажах «Правилами для учащихся», и при её появлении не спешили спрыгивать на пол. Знали, что стогнать их она не будет. «Вы хотите быть добренькой за мой счёт», — говорила ей Котова, завуч по воспитательной работе. Когда Котова проходила по коридору, подоконники мгновенно пустели, но за её спиной на них вновь торжествующе плюхались ребячьи попки.

На первом этаже Надежда Степановна подошла к двери своего класса, прислушалась. За дверью царила могильная тишина, как во время контрольной работы за полугодие. Стало обидно, что Родыгин с такой лёгкостью добился успеха. Она приоткрыла дверь и заглянула в щёлочку. Векшина тербила свой ключик, вид у неё был какой-то пришибленный. Угрызаясь, что полезла к ней со своей демагогией, Надежда Степановна поймала её взгляд, чмокнула себя в ладошку, затем сложила её лодочкой, поднесла к губам и дунула.

Пушистое облачко воздушного поцелуя поплыло в сторону Векшиной, но до неё не доплыло. Весёлый мальчик, всю первую половину беседы просидевший под столом, подстрелил его из трубочки комком жёванной бумаги.

Надежда Степановна этого не видела, она уже вышла на улицу. Родыгин услышал знакомый звук и понял его происхождение, но решил не прерываться.

— В нашей стране, — говорил он, — пьянство за рулём сурово карается законом. Очень сурово, но всё же не так, как в некоторых зарубежных странах. Есть на земном шаре такие государства, где пьяниц-водителей сразу приговаривают к смертной казни.

— Так им и надо, алкашам, — сказала рано развившаяся толстая девочка с пятнами зелёнки на подбородке.

— Тебя как зовут? — спросил у неё Родыгин.

— Вера.

— Ребята, все согласны с Верой?

Филимонов поднял руку.

— Давай, — обрадовался Родыгин, — выскажи своё мнение.

— Можно выйти? — спросил Филимонов.

— Я-то думал, ты хочешь ответить на мой вопрос...

— Меня тошнит.

Родыгин обвёл класс испытующим взглядом, пытаясь понять, врёт он или говорит правду, но ничего не понял.

— Что с тобой делать! Иди.

Филимонов вышел в коридор и направился к туалету, но через два шага понял, что дойти туда не успеет. Томатный сок, выпитый весной в магазине «Дары природы», колом стоял в горле. Он повернул обратно, выбежал на крыльцо, заскочил за угол, и здесь его вырвало.

Рядом была разрыта земля, рабочие укладывали в траншею обёрнутые войлоком трубы теплоцентрали. Филимонов сел на крыльцо и, как учила мама, стал глубоко дышать носом. Пахло электричеством.

3

Надежда Степановна тоже почувствовала этот разлитый в воздухе тревожный запах, но в её памяти для него не нашлось подходящего имени. Торопясь успеть до перерыва,

она перебежала улицу в неполюженном месте и всё-таки опоздала. Гастроном уже закрывался на обед, вход перегороживала мрачная тётка в белом халате. Унижаться перед ней не хотелось. В поисках чего-нибудь, способного заменить торт, Надежда Степановна направилась к маленькому импровизированному рыночку около трамвайной остановки. Десятка полтора старушек в два ряда сидели на перевёрнутых магазинных ящиках, перед ними пестрели разноцветные бидоны с ягодами и райскими яблочками, в бутылках торчали астры и гладиолусы, на расстеленных газетах жалкими кучками лежали вялые осенние грибы. Одна бабка торговала мухоморами. Они предназначались или гурманам, имеющим терпение варить их в семи водах, или язвенникам, утратившим веру в патентованные аптечные средства.

Надежда Степановна прошла рыночек насквозь и перед крайней старушкой увидела облупленную эмалированную кастрюльку, доверху наполненную мелкими, буровато-чёрными ягодами. Она даже не сразу поняла, что это черёмуха. Торговать ею можно было только от полной безнадёжности. Мухоморы и те выглядели уместнее. Черёмуха давно не считалась за ягоду, последний пирожок, для которого она послужила начинкой, Надежда Степановна съела лет двадцать назад. А какие были пирожки! Лёгкий хруст дроблёных косточек, мраморные прожилки на корочке, душистая фиолетовая мякоть внутри.

— Почём? — спросила она.

— Полтинник стакан.

Надежда Степановна достала из кошелька рубль.

— Один, пожалуйста.

— Бери уж два, сдачи нет, — сказала старушка, вынимая из крошечного запавшего рта, похожего на рот постаревшей куклы, несоразмерно громадную папиросу.

В последнее время Надежда Степановна всё чаще задумывалась о собственной старости. Семьи у неё не будет, это

ясно, и родить ребёнка без мужа она, скорее всего, не решится. После выхода на пенсию идеальным вариантом для неё было бы зиму жить в городе, а лето проводить в учительском пансионате. Такой пансионат для заслуженных работников просвещения существовал на севере области, в старинном райцентре, где позапрошлым летом Надежда Степановна была с ребятами на экскурсии. В тени Спасо-Георгиевского собора приютился двухэтажный купеческий особняк с эркером, со стеклянными горбами парников на крыше. Когда-то он принадлежал владельцу здешней фаянсовой фабрики, меценату и сумасброду. На чердаке был устроен бассейн, в нём плавали и питались свежей рыбой из Колвы два нильских крокодила. Как рассказывали местные жители, один тихо умер в революцию от голода, другой был застрелен во время кулацкого мятежа, в котором активно участвовали не жаловавшие заморских тварей кержаки-старообрядцы. Первого зарыли в овраге, чучело второго легло в основу коллекции районного краеведческого музея, но там ему не суждено было обрести покой даже после смерти: на протяжении полувека его постоянно перетаскивали из отдела истории края в отдел природы и обратно.

Все эти годы бассейн пустовал, в него сваливали всякий хлам, через выбитые ячейки заметало снег и семена полыни, но не так давно дыры залатали, натаскали земли, и теперь там была оранжерея. Цветы, а заодно и овощи к столу разводили заслуженные работницы просвещения. С двумя из них Надежда Степановна подружилась, посылала им индийский чай, конфеты, открытки на Восьмое марта и День учителя, а они однажды с оказией прислали ей букет чудесных, почти не увядших в дороге белых хризантем. Вот уже второй год этот нищий пансионат, окружённый тайгой, лагерными зонами и лесосплавными участками, казался обителью покоя, единственным в мире местом, куда только и можно стремиться душой.

С намакающим от ягодного сока кульком-фунтиком, стараясь держать его подальше от нового плаща и запоздало ругая себя, что польстилась на эту совершенно не нужную ей черёмуху, Надежда Степановна по мосткам перешла выкопанную рядом со школой траншеей и увидела сидевшего на крыльце Филимонова. Он уже дышал ртом, потому что от сидения на каменной ступеньке внезапно прошиб насморк.

— Меня тошнило, — издали объявил Филимонов, чтобы и мысли не возникло, будто он изгнан из класса за плохое поведение.

— Господи! А что ты ел?

Филимонов перечислил. Надежда Степановна и все ребята ели в буфете то же самое, но никого не тошнило, даже Векшину с её больной печенью.

— Странно. С чего бы это?

— Не знаю, — сказал Филимонов, хотя, вообще-то, смутно догадывался о причине.

— Живот болит?

— Нет.

Присев на корточки, Надежда Степановна положила кулёк на ступеньку, вынула из сумочки платок и стала оттирать со щеки Филимонова присохший ошмётток кунцевской булочки. Другой рукой она придерживала его за чистую щёку, чтобы голова не болталась. Потом ему велено было идти в класс. Он пошёл, Надежда Степановна сунула испачканный платок обратно в сумочку и заметила, что из бокового отделения исчез кошелёк.

4

Дожидааясь ответа на свой вопрос, Родыгин смотрел в окно. Сквозь листву американских клёнов видны были серые пятиэтажные коробки шестидесятых годов, белые девятиэтажки последних лет. Кое-где между ними торчали трубы

котельных. Самая ближняя была самой старой. Выложенная из побуревшего кирпича, которого никогда не касалось жаркое дыхание пескоструйных аппаратов, она плавным изгибом расширялась к основанию и напоминала знаменитый хивинский минарет Калян. Родыгин видел его, когда служил в армии.

Никто больше руки не поднял, хотя времени на размышление дано было предостаточно. Пришлось отвечать самому.

— А вот я, ребята, — твёрдо сказал Родыгин, — с Верой не согласен. Смертная казнь — это недопустимая мера наказания. Наказание должно исправлять человека, если, конечно, ещё есть надежда его исправить. Например, в Турции нашли оригинальный выход из положения.

Он рассказал, что в Турции, когда поймают выпившего за рулём, заставляют его пройти пешком тридцать километров. Сзади на мотоциклах едут полицейские, следят, чтобы по дороге не вздумал остановиться или присесть где-нибудь в холодке.

— Лично я думаю, что в этом случае неплохо бы нам поучиться у турок, — сказал Родыгин тем доверительным тоном, который в таких случаях неизменно завораживал его самого, — тоном человека, не только имеющего доступ к закрытой информации, но из уважения к данной аудитории позволяющего себе сказать то, чего в другой аудитории он бы, конечно, говорить не стал.

Страшная турецкая жара сгустилась в классе, от столов дрожащими струями поднялся к потолку раскалённый воздух. Прямо перед собой Векшина увидела уходящую за горизонт белую от зноя каменистую дорогу. По ней, шатаясь от усталости, брёл папа. Его рубашка прилипла к спине, волосы поседел от пыли. Пот заливал ему глаза, иногда он с мольбой о дожде поднимал их к небу, надеясь различить вдали крохотное облачко, которому, как обычно бывает в юж-

ных странах, суждено скоро превратиться в грозовую тучу. Вслед за ним на громадных, с кривыми рогами, ревущих и сверкающих под солнцем мотоциклах ехали усатые полицейские в фесках. Они норовили подтолкнуть папу передними колёсами: шнель, шнель!

Закусив губу, Векшина вытащила из портфеля пенал, из пенала — кусочек мела и незаметно выбелила ребро своего стола. Время от времени Родыгин прислонялся к этому ребру, была надежда, что он выпачкает себе брюки.

Программа беседы была исчерпана, но Родыгин полагал делом чести закончить её одновременно со звонком. Шумная благодарность маленьких слушателей, отпущенных по домам раньше срока, не трогала его сердце. К тому же, раз уж заговорили о пьяных водителях, полезно будет рассказать о том, как с ними поступают в Сингапуре.

— А вот в Сингапуре...

Родыгин умолк, потому что в дверь боком протиснулся Филимонов.

— Можно войти? — спросил он.

Не ответив ему, Родыгин обратился к классу:

— Ребята, что он забыл сделать?

— Постучаться? — догадалась соседка Векшиной.

— Слышал?

— Ага.

— Тогда выйди и войди как положено.

Филимонов вышел, аккуратно прикрыл за собой дверь и три раза стукнул в неё со стороны коридора.

— Войдите, — гостеприимно отозвался Родыгин.

Дверь открылась, Филимонов переступил порог и замер.

— Ну, дальше, — подбодрил его Родыгин. — Что теперь нужно сказать?

— Можно войти?

— Ты уже вошёл.

Облегчённо вздохнув, Филимонов пошёл было к своему столу, но Родыгин, как гипнотизёр, на расстоянии удержал его отвесно выпрямленной ладонью. Филимонов ощутил, как в грудь ему упирается что-то невидимое и упругое, похожее на струю воздуха от вентилятора, только гораздо тоньше и твёрже. Он задом отступил обратно к двери.

— Теперь нужно попросить разрешения сесть на место, — подсказал Родыгин.

Филимонов молчал, чувствуя, что скоро зазвенит звонок. Звонок всегда начинался щекоткой в животе, а уж потом слабым эхом гремел по этажам.

— Давай начнём всё сначала, — предложил Родыгин. — Выйди ещё разок и постучи.

— Честное слово, меня тошнило! — сказал Филимонов.

— Пожалуйста, — попросила Векшина, — разрешите ему сесть!

Она по себе знала, какое охватывает одиночество, если вдруг что-то заболит в школе, голова или печень. Недавно на истории у неё пошла носом кровь, Надежда Степановна уложила её в учительской на диване, и она весь урок пролежала там лицом к потолку, думая о смерти.

Сейчас, чтобы не расплакаться, нужно было немедленно вспомнить что-нибудь хорошее. Векшина стала вспоминать Новый год. Для школьной ёлки мама сшила ей костюм принца из «Золушки», папа купил в магазине «Подарки» стеклянную пепельницу в виде туфельки. Праздник устроили в спортивном зале, ёлка стояла на диске старого проигрывателя и начинала вращаться со скоростью тридцать три оборота в минуту, когда Дед Мороз стучал об пол своим посохом. Надежда Степановна, одетая Снегурочкой, села прямо на пол, сняла один валенок, взяла у Векшиной её хрустальную туфельку, с которой та неприкаянно ходила туда-сюда вдоль шведской стенки, и уморительно пыталась надеть

себе на ногу. Все вокруг смеялись, лишь Векшиной почему-то хотелось плакать, и, как всегда, тем горше, чем темнее был источник этих неизъяснимо подступающих к горлу слёз.

Родыгин подмигнул Филимонову:

— За тебя тут Векшина ходатайствует. Ты, понимаешь, спьяну чуть не задавил её вместе с младенцем, а она уже всё простила. Вот женщины! Давай-ка выйди, постучи и отчекань как настоящий мужчина.

Филимонов опять вышел, дверь закрылась. Родыгин приготовился ласково потрепать его по затылку, когда он будет проходить мимо. Кожу на ладони щекотнёт нежный ёжик филимоновских волос.

Прошла минута, никто не постучал.

Родыгин прошагал к двери, осторожно приотворил её, распахнул настежь. Филимонов исчез, коридор пустынно расстилался в обе стороны, за окнами темнело, собирался дождь. Возле ближнего окна стояла швабра, техничка Алевтина Ивановна медленно сыпала из ведра на пол светлые опилки.

— Не знаю, — ответила она на вопрос о том, куда подевался только что бывший тут мальчик.

В классе тоже сделалось темно, Родыгин включил электричество и вернулся к прерванной теме:

— Так вот, ребята, в Сингапуре с пьяными водителями поступают ещё оригинальнее, чем в Турции...

5

Вернувшись на рыночек, Надежда Степановна громко спросила:

— Кошелек никто не находил?

Ответом было молчание. Старушки неподвижно восседали на своих ящиках, стараясь не встречаться с ней взглядом.

Она всё поняла и двинулась между ними, спрашивая то же самое у каждой в отдельности. Рядом шёл какой-то старик в офицерском кашне. Он интересовался ценами на грибы, возмущаясь и помяная Бога — в том смысле, что не вредно бы Его побояться в пенсионном возрасте.

— А он нынче в отпуску, — сказала бабка, торговавшая мухоморами.

Это ничего хорошего не сулило, тем не менее Надежда Степановна спросила и у неё:

— Кошелек, случайно, не находили?

— Нет, — ответила она и отвела глаза.

Наконец подала голос та самая старушка с черёмухой.

— Какой он из себя?

— Чёрный, — сказала Надежда Степановна.

— И что в нём есть?

— Десять рублей денег. Квитанции.

— И всё?

— Ещё мелочь.

— Мелочь-то, что ли, не деньги? Сколь её было?

— Не помню.

— Сама не знает, сколь у неё денег, — сказала эта старушка другой, сидевшей на соседнем ящике перед трёхлитровой банкой с торчащими из неё бесцветными гладиолусами.

Та охотно выразила свою солидарность, сказав:

— Богатые все стали, копейки уж и не считают.

— Потом станет говорить, что я взяла, — по тому же адресу добавила старушка с черёмухой и снова повернулась к Надежде Степановне. — Давай, милая, вспоминай. Как вспомнишь, так и отдам. Много вас тут ходит. Может, и не твой.

На ней был плюшевый, с пролысынами чёрный салопчик, мужские ботинки. Голова повязана застиранной косынкой с изображением собора Сакре-Кёр и Эйфелевой башни.

Старик в офицерском кашне сказал Надежде Степановне:

— Не слушайте её, у них на сберкнижках побольше нашего.

В ожидании грозы город затих. Прохожие поглядывали вверх и ускоряли шаги. Надежда Степановна совсем собралась уйти, наплевав на эту несчастную десятку, как вдруг услышала:

— Ты только меня правильно пойми, девушка. Я сейчас вся дрожу.

Старушка достала кошелёк.

— Твой?

Глаза её сияли.

— Чего молчишь? Язык от радости проглотила?

— Мой.

Надежда Степановна почувствовала, что её самую начинает бить дрожь.

Она взяла протянутый кошелёк. Старушка не сразу отпустила его, их пальцы соприкоснулись, и Надежда Степановна всем сердцем ощутила торжественность минуты.

— Десять рублей, восемьдесят четыре копейки. Пересчитай.

— Зачем?

— Пересчитай, говорю, при свидетелях!

Между тем свидетелей становилось всё меньше. Опасаясь дождя, бабки скоренько собирали свои пожитки и уходили. Рыночек разваливался на глазах. Быстро темнело, ветер нёс по улице бумажный мусор. Как ключи с речного дна, в похолодевшем воздухе завихрились столбики пыли, вокруг опустевших ящиков завели хоровод рваные газеты и трамвайные талоны.

Надежда Степановна послушно пересчитала мелочь в кошельке, но просто взять его и уйти уже не могла, продолжала стоять перед старушкой, не зная, чем испугить по-

Содержание

От составителей	5
Леонид Юзефович	
Гроза. 1987 г.	9
Сергей Шаргунов	
Тебе, сынок... ..	48
Макс Фрай	
Две горсти гороха, одна морского песка	58
Владимир Тучков	
Колдун	92
Марина Степнова	
Там, внутри.	98
Виктор Ч. Стасевич	
Пряник.	114
Встреча	115
Анна Старобинец	
Аргентус	120
Владимир Сорокин	
Колобок.	140
Александр Снегирёв	
Луке букварь, Еремею круги на воде	148
Алексей Слаповский	
Лукьянов и Серый.	164
Виталий Сероклинов	
Шельмец	186
Цукаты.	188

Содержание

Пряники	191
Чапаев	192
Роман Сенчин	
На будущее.....	194
Василий Семёнов, Мария Семёнова	
Зелёный луч.....	219
Сергей Самсонов	
Поорёт и перестанет	250
Герман Садулаев	
Вишни	289
Андрей Рубанов	
Слингго-папа.....	304
Олег Постнов	
Миргород	315
Евгений Попов	
Когда упадёт Пизанская башня	326
Людмила Петрушевская	
Сказка о родителях и бедных детях	343
Павел Пепперштейн	
Азов.....	348
Сергей Носов	
Здесь были качели.....	358
Татьяна Москвина	
День мой рай (<i>Автобиографический рассказ</i>).....	372
Анна Матвеева	
Теория заговора	389
Вадим Левенталь	
Ча — Ща пиши с буквой Кровь.....	422
Майя Кучерская	
Вертоград многоцветный	452
Наталия Курчатова	
Шторм	471

Содержание

Вячеслав Курицын	
Рождественский рассказ	478
Павел Крусанов	
Как исчезают люди	491
Сергей Коровин	
Шалопай	518
Наталья Ключарёва	
Олух царя небесного	527
Максим Кантор	
Мой аргентинский папа	533
Шамиль Идиатуллин	
Кареглазый Громовик	546
Александр Етоев	
Акуака	566
Михаил Елизаров	
Кубики	581
Алексей Евдокимов	
Респаун	590
Ольга Дунаевская	
Танец живота	600
Михаил Гиголашвили	
Однажды в Тбилиси... ..	620
Мария Галина	
Красивые молодые люди	656
Евгений Водолазкин	
Совсем другое время	667
Илья Бояшов	
Рассказ, который так и не был написан	680
Владимир Богомяков	
Русский ребёнок Вовунец	693

Содержание

Белобров-Попов	
Высшие силы.....	697
Мирослав Бакулин	
Я — Божья, я — Божья!!!.....	713
Василий Аксёнов	
Рыбалка, спорт, и никаких девочек.....	730
Об авторах	781

Р 89 **Русские дети** : 48 рассказов о детях / сост. П. Крусанов, А. Етоев. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. — 800 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-05721-0

Знаете, как опытным путём убедиться, что Земля вертится?

А то, что ангелы бывают нянями, об этом вы знаете? И что девочки превращаются в драконов, серые камни на самом деле серебряные и Майкл Джексон будет отмщён? А мир наш был перевернут когда-то, давно, ещё во времена шерстистых носорогов и саблезубых тигров, поставлен с ног на голову и так стоит на голове до сих пор?

Не знаете — вернее, знали, но, повзрослев, забыли. Потому что такие знания даются исключительно детям, как прозрение, происходящее помимо опыта, ну, иногда взрослым, упорно цепляющимся за детство, как за борт подводного корабля, совершающего срочное погружение. И эти чудесные дары вручаются по справедливости, потому что детство — волшебная пора, усыпанная пылью рая, и дети непременно должны быть счастливы, пусть сами они далеко не всегда осведомлены о своём счастье. Ведь вся остальная жизнь — лишь расплата за это недолгое блаженство...

В сборник «Русские дети» вошли рассказы, написанные специально для этой книги. За очень редкими исключениями.

И ещё одно важное добавление: перед вами не детская книга. Перед вами книга о детях.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

РУССКИЕ ДЕТИ

Составители Павел Крусанов, Александр Етоев

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Елена Терскова, Валентина Гончар, Нина Тюрина

Подписано в печать 11.07.2013.
Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Тираж 10 000 экз. Усл. печ. л. 50.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119991, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
196105, г. Санкт-Петербург, ул. Решетникова, д. 15
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

НАВВ1281201R

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ОБРАЩАЙТЕСЬ

В Москве:

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-00,

факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге

Тел.: (812) 324-61-49, 388-94-38,

327-04-56, 321-66-58, факс: (812) 321-66-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

тел./факс: (044) 490-99-01

E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах,
а также условия сотрудничества
на сайтах

www.azbooka.ru

www.atticus-group.ru